

Абрахам Меррит

Лесные женщины

*Часть сборника
Лесные женщины (сборник)*

Абрахам Меррит

Лесные женщины

«Автор»

1926

Меррит А. Г.

Лесные женщины / А. Г. Меррит — «Автор», 1926

ISBN 978-5-457-09906-7

«Маккей сидел на балконе маленькой гостиницы, которая, как коричневый гном, присела на корточках на восточном берегу озера. Озеро маленькое и одинокое, высоко в Вогезах; однако одиночество – не то слово, которым можно определить его дух; скорее уединение, отстранение. Со всех сторон нависали горы, образуя огромную треугольную чашу, которая, когда Маккей впервые ее увидел, показалась ему наполненной неподвижным вином мира и спокойствия...»

ISBN 978-5-457-09906-7

© Меррит А. Г., 1926

© Автор, 1926

Абрахам Меррит Лесные женщины

Маккей сидел на балконе маленькой гостиницы, которая, как коричневый гном, присела на корточках на восточном берегу озера.

Озеро маленькое и одинокое, высоко в Вогезах; однако одиночество – не то слово, которым можно определить его дух; скорее уединение, отстранение. Со всех сторон нависали горы, образуя огромную треугольную чашу, которая, когда Маккей впервые ее увидел, оказалась ему наполненной неподвижным вином мира и спокойствия.

Маккей с честью носил свои крылья в мировой войне, вначале во французской авиации, потом, когда его страна вступила в войну, в экспедиционном корпусе. И как птицы любят деревья, так же любил их и Маккей. Для него они были не просто стволы и ветви, побеги и корни; для него они были личностями. Он остро сознавал разницу в характерах даже представителей одного вида: вот эта сосна благожелательная и веселая, а вот та суровая и монашеская; вот здесь стоит важничавший разбойник, а там мудрец, окутанный в зеленые размышления; эта береза распутна, а береза рядом с ней девственна, мечтательна.

Война опустошила его: нервы, мозг, душу. Все годы, прошедшие после нее, рана не закрывалась. Но теперь, когда его машина начала спускаться в обширную зеленую чашу, он почувствовал, как его охватывает ее дух, ласкает, успокаивает, обещает исцеление. Казалось, он плывет, как падающий лист, сквозь густой лес, и мягкие руки деревьев убаюкивают его.

Он остановился в маленькой гостинице и задержался здесь, день за днем, неделю за неделей.

Деревья нянчили его; мягкий шепот листьев, медленное пение игольчатых сосен вначале заглушили, а потом совсем прогнали грохот войны и его печали. Открытая рана его духа начала затягиваться от этого зеленого лечения; потом она закрылась и стала шрамом; потом даже шрам зарос и скрылся, как шрамы на груди земли зарастают и покрываются опавшей осенней листвой. Деревья наложили ему на глаза исцеляющие зеленые ладони, изгоняя картины войны. Он вдыхал силу в зеленом дыхании холмов.

Но по мере того как к нему возвращались силы и разум и дух исцелялись, Маккей все острее чувствовал, что это место чем-то обеспокоено, что его спокойствие несовершенно, что в нем чувствуется оттенок страха.

Как будто деревья ждали, пока он выздоровеет, прежде чем передать свою тревогу. Теперь они пытались сказать ему что-то; в шепоте листвы, в пении сосновых игл слышался гнев, какие-то мрачные опасения.

Именно это удерживало Маккея в гостинице – определенное ощущение призыва, сознание, что что-то неладно, и он должен это исправить. Он напрягал слух, чтобы уловить слова шелестящих ветвей, слова, дрожавшие на краю человеческого восприятия.

Но они никогда не переходили через этот край.

Постепенно он сориентировался, определил, как ему казалось, центр тревоги долины.

На берегах озера было только два здания. Одно – гостиница, и вокруг него защитно смыкались деревья – уверенно и дружески. Как будто они не только приняли это здание, но и сделали его частью себя.

Не так было с другим жилищем. Когда-то это была охотничья хижина давно умерших землевладельцев; теперь она полуразвалилась, стояла заброшенная. Она располагалась на другом берегу озера, прямо напротив гостиницы, и в глубине, в полумиле от берега. Когда-то ее окружали поля и плодородный сад.

Лес надвинулся на них. Тут и там на полях стояли одинокие сосны и тополи, как солдаты, охраняющие пост; отряды поросли поднимались среди изогнутых высохших стволов

фруктовых деревьев. Но лесу не просто давалось продвижение: прогнившие пни показывали, где обитатели хижины срубили вторгнувшихся, черные полосы говорили, где лес жгли.

Здесь центр конфликта, который он ощущал. Здесь зеленый народ леса угрожал и подвергался угрозам; здесь шла война. Хижина была крепостью, осажденной лесом, крепостью, чей гарнизон устраивал постоянные вылазки с топором и факелом, унося жизни осаждающих.

Однако Маккей чувствовал безжалостный напор леса, видел, как зеленая армия заполняет бреши в рядах, выбрасывает отростки на расчищенные места, распространяет корни; и всегда с сокрушительным терпением, терпением, заимствованным у каменной груди вечных холмов.

У него было впечатление постоянного наблюдения, бдительности, как будто ночью и днем лес следит за хижинкой мириадами глаз; неумолимо, не отступая от своей цели. Он рассказал о своих впечатлениях хозяину гостиницы и его жене, и те посмотрели на него странно.

– Старый Поле не любит деревья, это точно, – сказал старик. – И двое его сыновей тоже. Они не любят деревья, но и деревья их не любят.

Между хижинкой и берегом до самого края озера росла прелестная маленькая рощица из серебристых берез и пихт. Роща тянулась примерно на четверть мили, в глубину достигала не более ста-двухсот футов, и не только красота деревьев, но и их любопытное расположение вызвало живой интерес у Маккея. По обоим концам рощи росло с десятков или больше игольчатых пихт, не группой, а цепочкой, как в походном порядке; с двух других сторон на равных промежутках друг от друга также стояли пихты. Березы, стройные и изящные, росли под охраной этих крепких деревьев, но не густо и не заслоняли друг друга.

Маккею эти серебристые березы напоминали процессию милых девушек под защитой изящных рыцарей. Со странным ощущением видел он в березах восхитительных женщин, веселых, смеющихся, а сосны – их возлюбленные, трубадуры, в своих зеленых игольчатых кольчугах. И когда дул ветер и вершины деревьев склонялись под ним, как будто изящные девушки приподнимали свои трепещущие лиственные юбки, склоняли лиственные головы и танцевали, а рыцари-пихты окружали их, смыкали руки и танцевали с ними под шум ветра. В такие минуты он почти слышал сладкий смех берез, выкрики пихт.

Из всех деревьев этой местности Маккею больше всего нравилась маленькая роща; он греб по озеру и отдыхал в ее тени, дремал здесь и, закрыв глаза, слышал волшебное эхо сладкого смеха, слышал загадочный шепот и звуки танцующих ног, легкие, как падающие листья; впитывал в себя мечтательное веселье, которое было душой этого маленького леса.

А два дня назад он увидел Поле и его двух сыновей. Маккей дремал в роще почти весь день; когда начали сгущаться сумерки, он неохотно встал и начал грести к гостинице. Он находился в нескольких сотнях футов от берега, когда из-за деревьев показались три человека и остановились, глядя на него, три мрачных сильных человека, выше среднего роста, обычного для французских крестьян.

Он выкрикнул им дружеское приветствие, но они не ответили; стояли, хмурясь. И тут, когда он снова склонился к веслам, один из них поднял топор и свирепо ударил по стволу стройной березы. Маккею показалось, что он слышит тонкий жалобный крик ударенного дерева, а весь лес вздохнул.

Маккею показалось, что острое лезвие впилося в его собственную плоть.

– Прекратите! – закричал он. – Прекратите, черт вас возьми!

Вместо ответа тот ударил снова – и никогда Маккей не видел такой ненависти, как у него на лице в момент удара. Бранясь, со смертоносным гневом в сердце, он повернул лодку и начал грести к берегу. Он слышал, как снова и снова ударял топор и совсем рядом с берегом услышал треск и снова тонкий жалобный крик. Он поднял голову, чтобы взглянуть.

Береза шаталась, падала. Но во время ее падения он увидел необычное зрелище. Рядом с березой росла одна из пихт, и, падая, меньшее дерево, склонилось на пихту, как девушка падает в обморок на руках своего возлюбленного. Она лежала и дрожала, а одна из больших ветвей пихты выскользнула из-под нее, взметнулась и нанесла владельцу топора сокрушительный удар по голове, отбросив его на землю.

Конечно, всего лишь случайный удар ветви, согнутой давлением упавшего дерева и разогнувшейся, когда это дерево скользнуло ниже. Но в отскоке ветви была видна такая сознательная деятельность, такой гнев, что это очень походило на мстительный удар. Маккей почувствовал странное покалывание на коже, сердце забилося с перебоями.

Мгновение Поле и его второй сын смотрели на крепкую пихту и лежащую на ее груди серебристую березу, защищенную игольчатыми ветвями, как будто

– снова у Маккея возникло то же представление – как будто раненая девушка лежит в объятиях своего рыцарственного возлюбленного. Отец и сын стояли и смотрели.

Потом, ни слова не говоря, все с той же жгучей ненавистью на лицах, они подняли лежавшего, он обнял их руками за шеи, и они повели его, волочившего ноги, прочь.

Утром, сидя на балконе гостиницы, Маккей снова и снова возвращался к этой сцене; все более и более осознавал он человеческий аспект падения березы на подхватившую ее пихту, сознательность нанесенного удара. За прошедшие с того времени два дня он чувствовал, как усилилось беспокойство деревьев, их призывы шепотом стали настойчивей.

Что они пытаются сказать ему? Что он должен сделать?

Обеспокоенный, он смотрел на озеро, пытаясь пронзить туман, нависший над ним и скрывший противоположный берег. Неожиданно ему показалось, что он слышит призыв рощи, почувствовал, как она привлекает его внимание так же устойчиво, как магнит притягивает и удерживает иглу компаса.

Роща звала его, просила прийти.

Маккей немедленно подчинился приказу; он встал и пошел вниз к причалу; сел в свой скиф и начал грести поперек озера. И когда весла коснулись воды, беспокойство покинуло его. Его место заняли мир и какое-то особое возбуждение.

Над озером лежал густой туман. Ни дуновения ветерка, но туман вздымался сгустками и перемещался, дрожал и сворачивался под прикосновением невидимых воздушных рук.

Он был живым, этот туман. Он собирался в фантастические дворцы, мимо чьих сверкающих фасадов плыл Маккей; дворцы превращались в холмы и долины, в окруженные стенами равнины, дно которых было из подернутого рябью шелка. Среди них блестели маленькие радуги, а на воде показывались призматические полосы и распространялись, как пролитое опаловое вино. У Маккея появилась иллюзия огромных расстояний, как будто туманные холмы были настоящими горами, долины меж ними не просто видением. А он сам великан, прорубающийся сквозь волшебный мир. Прыгнула форель – словно левиафан вынырнул из бездонных глубин. Вокруг арки ее тела переплетались радуги, потом они превратились в дождь мягко сверкающих драгоценностей: алмазов и сапфиров, пламенных рубинов и жемчужин с блестящей розовой серединой. Рыба исчезла, беззвучно уйдя в воду; ее радужное тело скрылось в ней, и на мгновение только многоцветный водоворот сохранялся на том месте, где была форель.

Не слышно было ни звука. Маккей опустил весла и наклонился вперед, плывя по течению. В молчании перед собой и вокруг себя он чувствовал, как открываются ворота неведомого мира.

Неожиданно он услышал голоса, множество голосов, вначале слабые и бормочущие; потом они стали громче, отчетливее; сладкие женские голоса и смешанные с ними более низкие мужские. Голоса поднимались и падали в диком веселом напеве, в его радости слы-

шались одновременно гнев и печаль – как будто солнечные ткачи в свою огненную ткань вплетали черные нити печали и алые полосы, окрашенные гневными закатами.

Маккей дрейфовал, не смея дышать, чтобы не заглушить звуки волшебного пения. Оно звучало все ближе и ближе, и он заметил, что скорость лодки увеличилась, лодка больше не дрейфует, как будто маленькие волны по обе стороны подталкивают ее вперед своими мягкими бесшумными ладонями. Когда лодка уткнулась в берег и зашуршала по гладкой гальке, песня прекратилась.

Маккей привстал и всмотрелся вперед. Здесь туман был гуще, но он видел очертания рощи. Как будто смотришь через множество занавесей из тонкого газа: деревья казались движущимися, воздушными, нереальными. И среди них мелькали фигуры в размеренном ритме, как тени от ветвей ритмично движутся под ветром.

Маккей вышел на берег и медленно направился к ним. Туман сгустился за ним, закрыв берег.

Ритмичное мелькание прекратилось; ни движения и ни звука среди деревьев, но он чувствовал, что вся роща полна внимательно наблюдающей за ним жизни. Маккей попробовал заговорить; какое-то молчаливое заклиние было у него на устах.

– Вы меня звали. Я пришел вас выслушать, помочь вам, если смогу.

Слова сформировались в его сознании, но произнести их он не смог. Снова и снова пытался в отчаянии; казалось, слова умирают на устах, прежде чем он мог дать им жизнь.

Туманный столб проплыл вперед и остановился, покачиваясь, на расстоянии вытянутой руки от него. И неожиданно из него выглянуло женское лицо, глаза на уровне его глаз. Да, женское лицо; но Маккей, глядя в эти глаза, рассматривавшие его, понимал, что они не могут принадлежать человеку. Глаза были без зрачков, белки оленьи и цвета мягкой зелени глубокой лесной поляны; в них сверкали крошечные светлые звездочки, как мотыльки в лунном луче. Глаза широкие и широко расставленные под широким низким лбом, над которым прядь за прядью волосы цвета бледного золота; пряди казались покрытыми блестящим золотым пеплом. Нос маленький и прямой, рот алый и изысканный. Лицо овальное, заострявшееся к нежному острому подбородку.

Прекрасное лицо, но чуждой красотой; волшебной. Долгие мгновения эти необычные глаза всматривались в него. Потом из тумана показались две белые тонкие руки, с длинными ладонями, с сужающимися пальцами.

– Он услышит, – прошептали алые губы.

И сразу вокруг послышались звуки: шепот и шорох листьев под дыханием ветра, скрип ветвей, смех невидимых ручейков, возгласы воды, падающей в глубокие каменные пруды, – голоса, которые лес сделал различимыми.

– Он услышит! – провозглашали эти голоса.

Длинные белые пальцы коснулись его губ, и прикосновение их было прохладным, как прикосновение березовой коры после долгого утомительного подъема; прохладным и слегка сладковатым.

– Он будет говорить, – прошептали алые губы.

– Он будет говорить! – снова подхватили лесные голоса, как молитву.

– Он увидит, – прошептала женщина, и холодные пальцы коснулись его глаз.

– Он увидит! – повторили лесные голоса.

Туман, скрывавший рощу от Маккея, задрожал, поредел и исчез. Его место занял ясный, прозрачный, слегка зеленоватый, чуть светящийся эфир: впечатление такое, будто он стоит в середине чистого бледного изумруда. Под ногами золотой мох, расцвеченный маленькими звездочками васильков. Женщина со странными глазами и лицом волшебной красоты теперь стала видна вся. Он увидел стройные плечи, крепкие маленькие заостренные груди, гибкое тело. От шеи до колен на ней какое-то одеяние, тонкое, шелковое, будто

сотканное из паутины; сквозь него просвечивает тело, будто огонь молодой весенней луны играет в ее венах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.